



Андрей Владимирович Кивинов
Вторжение в частную жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141515

Будни капитана Ларина: Нева; 2003

ISBN 5-7654-3049-X

Содержание

Пролог	4
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Андрей Кивинов

Вторжение в частную жизнь

Пролог

«Перешагиваете ли вы через трещины на асфальте?»

Перешагиваю ли я через трещины на асфальте? Хо! Ничего вопросик. Через лужи, кажется, точно перешагиваю. Чего ноги-то мочить? А трещины?... Вопрос со вкусом. Да тут все со вкусом – один вкуснее другого. Вот следующий – просто пальчики оближешь: «Страдаете ли вы галлюцинациями?» Ну, разумеется, страдаю. Каждый день черти мерещатся. Как приду домой, так из всех углов и лезут, маленькие и рогатые. Но этого, кроме меня, ест-с-с-но, никто не узнает. А я напишу, что не страдаю. И никто здесь в зале не страдает. Вернее, не напишет, что страдает. И правильно. Зачем? Могут задробить. Или еще хуже – сразу на лечение отправить. Потому что мы тут не кроссворды решаем, а проходим тест на психическую нормальность. Доказываем на деле, что все мы – люди абсолютно нормальные, здоровые, трезвые и годные к употреблению Министерством внутренних дел.

Однако я теряю драгоценные секунды. Этих «вкусных» вопросов тут штук пятьсот с лишним, а времечко строго ограничено. По десять секунд на вопросик. И мало того, зараза, они периодически повторяются, чтобы нас, честных ребят, можно было уличить во лжи.

Так, вот этот вроде уже был. Что я там писал? Тьфу, не помню. А искать бесполезно – время, время. Правду пишете, товарищ Ларин, правду. Не фиг там страничками шуршать. Правду-то правду, понятное дело. Так ведь задробят. Не всякая правда – признак здравого ума. Доказано исторически. А, плевать. Главное – темп, темп. Следующий вопросик – есть, дальше – готово. Ох, про трещины забыл. Что же написать? Пожалуй, нет. Я не перешагиваю через трещины на асфальте, я не обращаю внимания ни на какие трещины. Мне нет до них дела. Я – человек нормальный.

Глава 1

То, что товарищ был так взволнован, у меня удивления не вызвало. Его бегающие глаза и теребящие кончик шарфа пальцы – признак довольно взбудораженного душевного состояния. Хотя он и старался держать себя в руках. Умница. Многие, бывшие в подобной ситуации, гораздо активней выражали свои чувства. Не знаю, как бы я сам реагировал на угон собственной машины. Правда, мне легче: личной машины у меня нет, значит, и угонять нечего. Но все равно. Я думаю, это не очень приятные ощущения. Выходишь из дома, а на месте твоего четырехколесного друга – только пятно бензина или сухой четырехугольник на асфальте. Тут с лету свихнуться можно. Сначала зажмуришься – наваждение. Была же час назад. А потом взрыв. Эмоциональный. А-а-а-у-у-у!!!

Иногда, правда, встречаются спокойные ребята. Компанейские такие. «Да ладно, командир, сами найдем. А ты найдешь – себе оставь, нам не жалко. Мы завтра себе еще две купим, чего из-за железа переживать?» Конечно, чего вам переживать, вы как елки новогодние – все в золоте. Цепочки, колечки, зубки. Все тип-топ.

Но мой сегодняшний гость – не елка и действительно взволнован. Я б сказал, дипломатично взволнован. На стенки не прыгает. Только глазки и пальчики.

– Обидно. Каждый день сигнализацию включаю. Да и домой-то случайно заехал – бумаги по работе забрать. У вас не было такого, все как специально? Нет, я ничего не имею в виду. Сам виноват. Ведь с вечера еще приготовил, на трюмо положил, чтоб не забыть. И забыл. В пять часов спохватился. Пришлось машину гнать. Я и сигнализацию-то чего не включил – думал, туда-обратно... И приятель позвонил некстати – как знал, что домой зайду. С ним минут десять. Вот и хватило. Черт, и не темно еще, и людей на улице много. И никто ничего...

– Так, может, вы и закрыть забыли? И ключик в замочке оставили?

– Нет, ключ вот, а двери... Честно скажу – не помню. Возможно, действительно не запер в спешке. Ну кто ж думал? По дворам побежал, поспрашивал. Все без толку.

– Тачка застрахована?

– Нет, не успел.

– Давайте техпаспорт.

Да, не повезло дяденьке. Девяносто третьего года выпуска. Почти нулевая. «Девяточка», цвет – «мокрый асфальт». Очень популярный цвет. Владелец – Куракин Виктор Михайлович, адрес, гос. номер. Все понятно. Очередная птичка летит – «глухарек» с пушистым хвостиком. «Кар-кар, здарсьте, товарищи, не ждали?»

Я вытащил бланк заявления, заполнил титульную строку и протянул потерпевшему.

– Вот здесь, пожалуйста: «Прошу принять меры к розыску автомашины ВАЗ-2109, номер такой-то, угнанной от моего дома тогда-то, тогда-то». Потом число и подпись.

Пока Виктор Михайлович воспроизводил текст на бумаге, я достал чистый лист, чтобы записать приметы машины.

Выведя подпись и дату, он протянул мне заявление:

– Скажите, найти реально?

– А сами вы как считаете?

– Не знаю. У соседа угнали «копейку» – через два часа нашли.

– Все от цели зависит. Взяли покататься и бросить – одно, а на продажу или разборку – другое. Ну, плюс еще везение. А каких-то специальных методов – сами понимаете...

Товарищ печально вздохнул. Он, конечно, понимал. Город – не деревня. Особенно такой, как Питер. Едет сейчас кто-нибудь на его «девяточке» и «Пионер» слушает. А может, уже и не слушает, а колеса отворачивает.

– Вы понимаете, не столько из-за машины обидно. Там дипломат остался. Вот что главное.

– С деньгами?

– Нет, нет. Хуже. Если б деньги... Там контракты. Вернее, один контракт в двух экземплярах.

– Что за контракт?

Товарищ еще раз тяжело вздохнул.

– Югославская ветчина. Знаете, в пятикилограммовых упаковках. Два контейнера. Через неделю машина приходит, понимаете?

– Не очень.

– Я коммерческий директор фирмы «Аркада». Вы могли видеть нашу рекламу в некоторых газетах.

– Не видел, но догадываюсь. Перепродажа?

– В общем-то, да. Поставка продуктов. В частности, и югославской ветчины. Это не первая наша сделка с ними. Мы на рынке около двух лет.

– Интересно, какая в Югославии сейчас может быть ветчина? Там же пальба.

– Война войной, но жить-то надо. И они не только живут, но и, как видите, других кормят. Это у нас, если заваруха, все – бросай работу, благо повод хороший. Представительства югославской фирмы в Питере нет, я езжу туда сам. Контакт с поставщиками хороший, они отправляют товар после тридцатипроцентной оплаты.

– Вы уже внесли эти тридцать процентов?

– Все сто. Хорошо, если они не отправили машины. А если уже... представляете, какие убытки?

– Не очень. Перезаключите быстренько.

– Шутите? Если машины в пути, через неделю они останутся на таможне в Питере. И если контракт не найдется, товар не будет растаможен и поступит на склад. Таможенный склад. А не будет востребован – поступит в доход государства.

– Слетайте в Югославию, заключите дубль-контракт.

– Это не так просто. Несмотря на мои хорошие отношения с партнером, югославы вряд ли согласятся. Такие казусы, как сегодняшний, у них не предусмотрены. Там все напуганы русской мафией. Никто не рискнет по новой что-то подписывать. Решат, что русские замышляют аферу, деньги-то уже переведены. Они товар отправили, а получить его и растаможить – это не их проблемы.

– Да, неприятная история. Стухнет ваша ветчина на отечественной таможне.

– Стухнуть не стухнет, но, если в течение недели контракт не найдется, мы понесем невосполнимые убытки. Я опасаясь, что мы прекратим деятельность.

– Почему?

– Потому что деньги на закупку ветчины мы брали в долг. Вернее, я брал. Чтобы вернуть сумму, мы будем вынуждены продать все, вплоть до офисного оборудования. Вот и все, в общем...

Куракин замолчал и безразлично уставился в стену моего кабинета.

– Неужели все так действительно безрадостно? Какова сумма долга?

Виктор Михайлович вздрогнул:

– Что? Ах, сумма? Около ста тысяч долларов.

Я присвистнул. Дорогой чемоданчик. Я б его такой цепью к запястью приковал!

– Теперь вы понимаете, что сегодня произошло?

Пальчики начали на ниточки распускать бедный шарф.

– Сделайте что-нибудь.

– Позвоните в Югославию, может, машины еще не отправились.

– Позвоню, но надежды мало. Девяносто процентов, что они уже в пути. Помогите мне, помогите...

– Я не хочу вас расстраивать, но единственное, что я могу сейчас сделать, – это дать информацию по городу. А дальше расчет только на удачу.

– Если вы найдете дипломат, машину можете оставить себе.

Я присвистнул во второй раз. Как заманчиво. «Мокрый асфальт». Мечта детства. Будем кататься с Викой и Бинго по выходным. Здорово. Захотим, поедем сюда, захотим – туда. Кр-р-расота! Однако секундочку... Быстренько вернемся с небес на землю. Во-первых, подобных обещаний я наслушался ого-го – уши болят, а во-вторых, машину я пока не нашел. И где ее искать, понятия не имею. Хорошо, если ГАИ тормознет на шару. Что весьма сомнительно.

– Я все понял. Вот вам мой телефон. Если у вас появятся новости, сразу звоните.

Куракин взял мою бумажку и спрятал в шикарном портмоне.

Я быстро записал его объяснения, пообещал, само собой, разбиться в лепешку для общего блага и распрощался с беднягой. Сидеть, успокаивать его у меня времени не было, в коридоре ждал следующий потерпевший с очередной «птичкой» под мышкой.

Бросив в ящик свежеродившийся на свет материал, который через некоторое время превратится в уголовное дело, я вышел из-за стола и пригласил нового заявителя.

Глава 2

Последующий день кардинальных изменений в мою судьбу не внес. Я не проснулся знаменитым, я не нашел клада, у меня не объявились богатые родственники в Америке. Правда, в меня и не стреляли коварные враги, меня не сбил пьяный водитель и не покусала бешеная собака. Обычный день. Как, впрочем, и все остальные. Ночь, утро, завтрак, транспорт, кабинет, потерпевшие, подозреваемые, свидетели, бумаги, «глухари», опять транспорт, телевизор, ужин, ночь, утро. Замкнутый цикл. Но меня по большому счету он устраивает. Потому как полгода я жил вне этого цикла. Повертелся, покрутился и вернулся. К сожалению, не в свое отделение, которое семь лет назад меня приняло, взлелеяло, взрастило, а потом само же и выкинуло. Возможно, как отработанный продукт.

Постояв четыре месяца охранником в банке, еще два месяца послонявшись в безделье и праздности, я причалил к родным берегам. Родным, но не своим. Единственная родственная душа Евгений перешел в убойный отдел Главка, а идти в подчинение к Шурику Антипову, восседающему сейчас в кресле отделенческого зама, мне совсем не хотелось. Пускай руководит кем-нибудь другим. В РУВД, слава Богу, еще четыре отдела. И везде кадровый вопрос. Милости просим, только голосок подайте. Ларин? Привет, старина. На работу? Без вопросов. Ты ж у нас не за дискриминацию, ты ж у нас по собственному. Молодец. Заполняй анкету, проходи медкомиссию, получай «ксиву» и в бой. Понимаем, понимаем, что не сам увольнялся. А потому впредь наука – не лезь на рожон. Трудись потихоньку, без нервных срывов. Это никому не нужно. Будет тошно – пойдешь на курсы аутотренинга, внушай себе: «Я тащусь, я тащусь... Нет ничего прекрасней и совершенней на свете, чем наша правоохранительная система. Мне все в ней нравится, меня все устраивает. Мне хорошо, хорошо, хорошо...»

Ну да, примерно так. Хватит искать так называемую правду. Ваша задача – повышать раскрываемость. Улучшать процент. В строго определенных рамках.

Новое отделение приняло меня по-приятельски. Я получил отдельный кабинет со встроенным шкафом, старое кресло без ручек, дореволюционный насыпной сейф, который, правда, открывался тем же ключом, что и шкаф, пару стульев и стол на трех ножках. Вместо четвертой я подложил кирпич. В довесок к кабинету мне отдали территорию с населением в пятьдесят тысяч человек, площадью в три квартала и криминогенной обстановкой уровня черных гетто Чикаго. И со всеми безобразиями на этой самой территории я, не щадя сил и здоровья, должен разбираться. Что уже третий месяц и делаю. В замкнутом цикле.

Но что там у нас с «девятичкой»? Не нашлась. И Виктор Михайлович не звонит. Надо самому брякнуть. Бывали, кстати, вариации – найдет заявитель машину и на радостях забудет в милицию сообщить. А машина в розыске. Едет потом, едет, негодник, а гаишник его – цап-царап и мордой о капот. Не сразу, конечно, а когда машину проверит. И потом начинается...

Ладно, товарищ Ларин, хватит народ пугать, это уже другая опера.

Вот, собственно, с такой навязчивой идеей, то есть позвонить и узнать насчет своей будущей машины, утром декабрьского дня я подходил к отделу, заботливо принявшему меня в милицееское лоно. Он был не типовым двухэтажным, как мой прежний, а располагался в здании бывшего детсада, которое до этого, должно быть, принадлежало богатому купцу или дворянину. Мой сейф с монограммой-гербом на дверце лет сто назад стоял в рабочем кабинете купца. Купец хранил в нем фамильные драгоценности, векселя, банкноты, любовную переписку и именное оружие. Потом в сейфе лежали ведомости на зарплату воспитателей, «черная касса», деньги на новогоднюю елку, также любовная переписка.

Теперь же его оккупировали никому не нужные дела с остроумными названиями оперативных проверок и разработок, всевозможные планы, отчеты по борьбе с наркомафией и уличной преступностью, заявления и жалобы граждан, наручники и пара тысяч на оперативные расходы. Любовная переписка напрочь отсутствует, зато появился пистолет, правда, не именной, но от этого не потерявший своих боевых качеств.

Такое долголетие сейфа объяснялось его невероятной тяжестью. Ни коммунисты, ни демократы не смогли сдвинуть этот монолит, вросший в угол дворянского кабинета, а поэтому проще было перегородить апартаменты кирпичными стенами, что, собственно, кто-то и сделал.

Само здание имело красивые грязно-белые колонны, темно-вишневые стены с ржавыми подтеками талой воды и лепные узоры на благородном фасаде, отмеченном местами любителями изящной русской словесности из числа задержанных. Над, входом имелся такой же вензель, что и на моем сейфе, и черная вывеска под разбитым камнем стеклом, гласящая, что ныне этот памятник архитектуры принадлежит отделу милиции. Старинная дверь давным-давно была заменена на обычную дубовую, обшитую оцинкованным железом для придания ей солидного вида.

Эту самую дверь я и открывал в настоящую секунду, одновременно перепрыгивая оттаившую перед ней лужу.

Дежурный, узрев меня через свою стеклянную амбразуру, отчаянно зажестикублировал, давая понять, что мне надо его срочно навестить.

– Кирилл, у нас огнестрел на Киевской. Это вроде твоя земля. Туда участковый поехал с резервным. Давай быстренько следом. Машину возьми мою, тут недалеко. Только не разбей, гололед.

– В квартире?

– Не знаю. По «02» звонили, вроде с автомата. Дом четырнадцать. Убитый – мужчина. Сразу отзовись.

Дежурный протянул мне ключи от личных «Жигулей».

Так и не заглянув к себе, я вновь открыл оцинкованную дверь, перепрыгнул лужу, залез в старенькую «шестерку», прогрел двигатель и, перекрестившись, тронулся.

Через пять минут я был на Киевской, благо она действительно пролежала рядом.

Издали я увидел скопление публики и канареечный узик нашего отдела. Притормозив, я заглушил мотор и подошел к месту.

Участковый, не замечая меня, толковал со старушками. Я вежливо растолкал любопытных и обнаружил перед собой машину с приоткрытой левой дверью, под которой на снегу замерзла лужица темно-бурой крови. Заглянув в салон, я довольно искренне удивился. Откинувшись на сиденье, с пробитым виском сидел не кто иной, как Куракин Виктор Михайлович, двадцати шести лет от роду, коммерческий директор фирмы «Аркада». Только тут я обратил внимание непосредственно на машину и изумился еще больше. Даже не уточняя номера, можно было смело утверждать, что это тот самый «жигуль». Девятая модель цвета «мокрый асфальт».

Евгений был трезв. Даже остаточные явления отсутствовали. Не заметив меня, он вылез из вишневого «Форда» своего нового шефа и, деловито сунув руки в карманы ярко-зеленого танкера, направился к месту происшествия. Главковские нотки еще не пробили себе дорогу в Женькиной сущности, он не произнес хрестоматийное «Доложите», а негромко представился, хотя все и так поняли, что он из Большого дома. Ну-с, посмотрим, как мы там руководить будем.

Впрочем, руководить Евгений не торопился. Он плюнул со злостью на снег, что-то пробормотал под нос (вероятно, какую-нибудь нецензурщину) и вернулся к группе началь-

ствующего состава РУВД, которого к настоящей минуте скопилось как муравьев на кусочке сахара.

Представители нашего отдела в лице участковых и трех оперов уже усиленно бороздили квартиры пятнадцатизэтажного дома, в котором проживал Куракин, пытаясь изловить свидетелей, видевших в ранний час попутчика Виктора Михайловича. Я свой подъезд уже отбороздил, свидетелей, конечно, не нашел. Публика эпохи бандитизма старается поменьше обращать внимания на всякую стрельбу или другие пиротехнические проявления. В некоторые квартиры меня попросту не впустили, а в одной заявили, что, если я буду вторгаться в частную жизнь, на меня подадут в суд. Мое вторжение заключалось в нажатии звонка, реплики «Милиция» и просьбы открыть дверь для парочки вопросов. При чем здесь суд, я не понял, но это сейчас популярно, поэтому я даже не удивился.

В квартире Куракина никого не было. Я постоял немного перед дверью, посмотрел в пол, а затем продолжил поход по этажам.

Делая отметки в своем блокнотике, фиксируя, кто открыл, а кто не открыл мне двери, я сейчас ждал указаний старого и нового руководства, а также чьих-нибудь гениальных идей и версий.

Евгений наконец удостоил меня своим главковским взглядом.

– Кирюха, куси меня в ухо!

– Здрасьте, господин куратор. Как курируется?

– А, черт бы все побрал! За вчера шесть убийств по городу. Одно другого круче. Думали, хоть сегодня угомонятся, а на тебе – началось с утра пораньше. Твоя, что ль, «земля»?

– Моя.

– Пошли в тачку, расскажешь, а то толком никто ничего не знает.

Женька кивнул на «Форд». Водителя в машине не было, он присоединился к любопытным. Я залез на переднее сиденье, на его место.

– У шефа выклянчил на пару часов, – кивнув на крышу машины, сказал Евгений. – Хорошая штука. Ну, что там вырисовывается?

– Птичка, Евгений, вырисовывается. С большим хвостом.

– Понятно. Я, кстати, ваш район курирую, у тебя, наверное, пока остановлюсь.

– Валяй.

– «Терпила» установлен?

– Установлен. Живет в этом доме. Куракин Виктор Михайлович. Коммерсант.

– Опять коммерсант. Вчера двоих расстреляли. Слушай, а может, он бандит? А коммерция так, для прикрытия? Все они коммерсанты с огнестрельным уклоном.

– Не думаю. Позавчера он был у меня. С заявлением об угоне вот этой машины. Он коммерческий директор какой-то «Аркады», закупка продуктов из-за рубежа. Обнаружен в девять утра прохожими. Ранение головы. Скорее всего, ТТ, гильза в салоне. Убит сидевшим справа.

– Наезды, заморочки?

– Без понятия. Я что, Евгений, метеор? Дома у него никого, надо в «Аркаду» ехать.

– Адрес есть?

– В отделе.

– Поехали. Уступи место.

Евгений свистнул водителю. Тот, выкинув по пути окурок, с трудом сохраняя равновесие на скользком снегу, пошел к машине.

– Погоди секунду, Евгений.

Я вылез из «Форда» и вернулся к «мокрому асфальту». Склонившись над боковым стеклом, я заглянул в салон. На заднем сиденье лежал кожаный черный дипломат.

Глава 3

Как ни странно, «Аркада», несмотря на столь грозное название, размещалась в двух комнатах женского общежития. Само общежитие представляло из себя шестнадцатизэтажный точечный дом. Как рассказала комендант, комнаты в небоскребе сдавались не только «Аркаде», но и ряду других коммерческих формирований. Два этажа вообще были отданы под какую-то частную гостиницу. Рынок диктует правила. Женщины перебьются. Про саму «Аркаду» комендант знала только то, что там не стреляют. Арендная плата вносилась исправно, и требований освободить помещение не поступало.

На шестом этаже мы нашли две обшитые железом двери без всяких вывесок.

Сунувшись в прихожую, мы оказались в фирме, возглавляемой когда-то Куракиным.

На нас повеяло домашним уютом и влиянием Запада. Этакая смесь. Комната была довольно просторна. В ней умещалось четыре стола, холодильник, кожаный уголок и телевизор на подставке. Но нас с Евгением мало волновал интерьер, интерьером нас не удивишь. Помимо интерьера мы заметили щелкающую калькулятором полную даму лет сорока с толстыми плюсовыми стеклами в очках и молодого человека в двубортном пиджаке, прижимавшего к уху трубку навороченного телефона и изредка издающего звуки типа «да», «нет».

По телику придурковатый кот безуспешно гонялся за такой же придурковатой мышью, и это говорило о том, что посетители кабинета страдают детством и не экономят электроэнергию.

Евгений врубил с порога:

– Управление уголовного розыска! Капитан Филиппов.

«А при нем задача! При нем, при нем...» Это я про себя.

Женщина сняла очки и положила на стол.

– Интересно... К нам?

– К вам. Кто у нас будет Куракин Виктор Михайлович?

– Это наш директор, но его сейчас нет.

– Да? И где же он?

Евгений, шпион проклятый, а то он не знает где?

– А что случилось? Объясните, пожалуйста.

Евгений сел на уголок, я – на стул, двубортный пиджак повесил трубку.

– Я бы хотел услышать от вас, где он в настоящий момент.

– Мы не знаем, вероятно, в дороге. Он должен был подъехать к десяти, но пока нет.

Дома тоже нет. Может, в налоговую заскочил.

– А вы кто?

– Я бухгалтер.

– А вы, молодой человек?

– Послушайте, вы можете объяснить, в чем дело? В конце концов, это нарушение прав.

– Чего, чего? – Евгений удивленно поднял брови. – Товарищ, вы, наверное, что-то недопоняли. Каких таких прав?

– Вы врываетесь, ничего толком не объясните, грубите, я...

– Куракин убит, – резко оборвал я пламенную речь борца за права человека.

– А-а-а...

– Два часа назад он найден в своей машине с пулевым отверстием в голове.

В комнате на минуту воцарилось неловкое молчание.

– Господи...

Как вы догадались, это реплика полного бухгалтера.

Я решил воспользоваться паузой и осмотреть соседнюю комнату, оставив Евгения одного против двоих. Я думаю, справится. Все-таки Главк.

Вторая дверь тоже была открыта, и за ней тоже оказалась просторная комната. Вероятно, это был кабинет Куракина. В нем стояло всего два стола, но они впечатляли импортным шиком. Также меня впечатляло сидящее за одним из столов перед голубым монитором компьютера симпатичное создание лет двадцати двух. Ес-т-с-с-но, женского пола. Я принадлежу к «большинствам». Чем-то она напоминала рекламную девочку, предлагавшую «хороший краснодарский» какому-то обмороженному дядечке. Не помню, что там рекламировали – то ли чай, то ли девочку.

Я же на рекламного киногероя был не похож, поэтому, на всякий случай, представился:

– Детектив третьего «а» класса Ларин. Не верите? Смотрите мандат.

Девушка удивленно взглянула на мою новенькую, еще не потрепанную «ксиву», а потом радостно подняла глаза.

– Ларин? Вы по поводу машины? Она нашлась?

Очень, очень обидно. Я надеялся, что она назвала мою фамилию не в связи с машиной, а по причине моей сверхпопулярности.

– Нашлась... Ваш директор убит. В своей машине.

– Ка-а-ак? – выдохнула девочка.

– Та-а-ак, – выдохнул я.

– И где?

– Возле дома. Надеюсь, вода в графине свежая, а вы секретарь?

– Да.

– А зовут меня?...

– Аня.

– Вы в состоянии общаться, Анна?

– Постараюсь. Вообще, все так неожиданно... Вы уверены, что это он? Может, в машине кто-то другой?

– Увы, как ни печально. Если только У него нет двойника или брата-близнеца.

– Ужас...

Она вытащила из стола пачку зеленого «Мальборо» и щелкнула изящной зажигалкой.

Я не торопил. Во-первых, общество такой симпатяжки облагораживает и рождает самые высокие чувства, а во-вторых, девушке надо сосредоточиться. Все-таки я ей не анекдот рассказал.

Анна оттаивала где-то минуты три, потом, затушив окурок, сосредоточенно взглянула на меня, отчего мой пульс увеличился на десять ударов в минуту. По привычке я начал с главного:

– Надеюсь, Анна, вы знаете, кто убил Виктора Михайловича?

По выражению на ее рекламном личике я понял, что на этот раз погорячился.

– Ясно. Не знаете. Хорошо, тогда как секретарь и, стало быть, в силу этого обстоятельства человек наиболее просвещенный, поведаете мне все, что сочтете нужным. Само собой, в свете сегодняшнего события. Начните со своей фирмы, затем плавно перейдите к личности директора, ну и так далее. Что не пойму, я уточню. Да, и если можно, покороче.

Анна полезла за новой сигаретой. Курилка. Ширнулась бы, что ли.

– Нас здесь семь человек, Витя, я, Людмила Сергеевна Фомина – бухгалтер, Оля, младший бухгалтер, Олег и два агента – Женя и Сергей. Если надо адреса, я посмотрю.

«Агенты? Интересненько. У нас тоже агенты есть. Но это, наверное, не те агенты».

– Моментик. А Олег? Тоже агент?

– Нет, это компаньон Вити. Вроде зама. Одному тяжело.

– Это он за стенкой?

- Вы были там? Они уже знают?
- Да, там мой коллега. Продолжайте.
- Я не знаю. Боже мой, что говорить?
- Все подряд. Давно вы тут обосновались?
- Около двух лет. Я, правда, недавно работаю, месяца три.
- Торговый бизнес?
- Да, продукты из Финляндии, Югославии. Ничего особенного, таких фирм очень много. Продукты сейчас – самый выгодный профиль.

Сообщенным мне сведениям я ничуть не удивился. В течение получаса Анечка обрисовала мне картину, из которой выплывало только одно – птичка «глухарек», скорее всего, не только прилетит, но и совет уютное гнездышко в виде статьи 103 УК. «Аркада» – организация третьей лиги, никаких заморочек у компаньонов ни с кем не возникало. Накануне Витя уехал домой на такси, потому что личная машина была угнана супостатами-ворами, сегодня к десяти часам утра обещался быть. Живет один в однокомнатной квартире, приехал в город пять лет назад искать счастья, квартиру купил недавно, сначала жил в общежитии; уволившись с завода, снимал у знакомых комнаты. Обычная ситуация.

Машину действительно угнали. Вместе с контрактом. Все в фирме в курсе и до сих пор в панике. Не говоря уже о Викторе Михайловиче. Он себе просто места не находил. В Югославию позвонили, но машины были уже отправлены, ждать их следует в ближайшее воскресенье. Сегодня уже вторник.

- Скажите, вы машину обыскивали? Дипломат там? – спросила в свою очередь Анна.
- Там.
- Слава Богу... О, извините... Сама не знаю, что говорю.
- Бывает. Значит, вы теперь растаможите свою ветчину?
- Да, конечно. Главное, бумаги есть.
- И, стало быть, вряд ли Витя убит из-за этого контракта?
- Да что вы! Это ж не первый контракт. Обычная сделка. Какой смысл?
- Но деньги он в долг брал?
- Он и раньше брал, да и потом, не найдись бумаги, никто ничего не поимел бы. А может, это – из-за машины? Может, он угонщика задержал, а тот его застрелил?
- Угонщик не сидел бы рядом и не разговаривал бы за жизнь. Вашего шефа уложил хороший знакомый. Раз контракт отпадает, машина тоже, что остается? Давайте, Анечка, думайте.
- Ой, не знаю...
- Витя лично вам рассказывал о своих проблемах?
- Да, говорил иногда. Хотя что у нас за проблемы? Так, мелочевка. Или с налоговой, или с поставщиком.
- Или с бандитами, – добавил я.
- Возможно. Но я не в курсе. Как-то в шутку спросила у него, он ответил, что все нормально.
- А долги?
- Естественно, он одалживал, но не такие суммы, из-за которых можно убить. И потом, насколько я знаю, он всегда рассчитывался вовремя.
- Женщины?
- Не поняла.
- Любовь.
- А-а-а... Не знаю. Иногда сюда звонят, но насколько это серьезно, я сказать не могу. Он не очень на такие темы.

Мне немножко надоело. Песню с припевом «Не знаю, не помню, забыл» я выучил наизусть и тем не менее вынужден каждый день повторять по вине свидетелей-певцов. Аннушка особой оригинальностью в певческом искусстве тоже не отличается. Поэтому, взяв у секретарши адрес родителей Вити, проживающих где-то под Брянском, я поднялся и решил вернуться к соратнику, бушующему за стеной.

– Вот мой телефон, Ан-н-на. Догадываетесь, не для того чтобы пригласить меня в ресторан, а для того чтобы позвонить, если мелькнет идея...

Судя по недовольной мине соратника, он слушал ту же песню. Если не хуже. Я присоединился к прослушиванию.

Коту на экране по-прежнему не везло. Дымовая пелена сигарет делала кабинет похожим на школьный туалет во время перемены. Это двубортный пиджак постарался. Евгений, увидев меня, захлопнул блокнотик и поднялся.

– Все. Вас позже допросят, постарайтесь вспомнить еще что-нибудь. До свидания.

Подтолкнув меня к двери, он вышел сам.

– Чего ты такой резкий, товарищ начальник? Живот пучит?

– Черт, мне ж отзвониться надо, доложить. По башке получу. Ты куда провалился?

– В туалет. За завтраком веревку съел. За стенкой был, там секретарша.

– Есть что?

– Ага. Песня Розенбаума про глухарей. Разгулялись не на шутку. Как, наверное, и у тебя.

– А, тут в их заморочки полгода вникать надо, а не полчаса. Если они, общаясь с ним каждый день, ничего не предполагают, то что нароботаем мы? Тьфу, тридцатая «мокруха» висает. Получу по шапке.

– Ты-то тут при чем?

– Не организовал работу. Так, короче, поехали назад, может, что обход дал.

Лично я не очень-то рассчитывал на обход, но Женьку понимал. Надо охватить все. Хотя бы по давно налаженной и неизменной схеме. Чтобы отрапортовать по форме: осмотр произвел, связи по коммерции отработали, связи по личной жизни отработали, но преступник, мерзавец, почему-то не пойман. Сейчас будем составлять расширенный план по его изобличению. Составляйте! Есть! Тьфу, черт, извините, новая «мокруха». Опять, надо ж как прорвало! Хорошо, выезжайте. Через час доложите. Есть. И так без перерыва. Завтра бедный Евгений уже забудет про сегодняшний случай, потому как завтрашний день принесет новые заботы. «Слепой, сыграй-ка мне Чикаго».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.